

Я видел боль. Видел, как медленно гаснут прежде сиявшие яркими огоньками зрачки глаз, чтобы потом потухнуть окончательно. Видел, как трясутся губы, как лица становятся цветом похожи на свечной воск, как проваливаются щеки и остро выступают вперед скулы, как на месте глаз появляются глубокие темные бездны, как вяло болтается язык внутри пересохшего рта. Благодаря этому я понял, что наша суть раскрывается нам только в тот момент, когда мы корчимся в тисках боли.

Не крик, нет, не приступ озноба, не тихий шепоток, а иной, дикий стон, точный источник которого мне было сложно определить, родился в глубине моего сердца. Дыхание перехватило, глотка пересохла, тело пылало, все происходило будто в дурном сне, и меня все сильнее затягивало в эту пустоту. Я столкнулся лицом к лицу с самой темной тайной этой жизни. Той, о которой прежде никто не говорил, не писал, не изображал в цвете. Я погрузился на самое дно тьмы, услышал, как течет кровь, как тянется по венам холодок смерти. Не буду возражать, мне понравилось, с какой яростью эта простая истина прочистила все мое нутро. Мое тело помолодело, душа просветлела, внутри себя старого я нашел себя нового. И я даже не говорю о тех мучительных воспоминаниях, которые долгие годы меня не отпускали. Все они остались где-то далеко позади. Я, как змея, сбросил шкуру прошлых обид. Зиявшая внутри меня рана пусть время от времени и болела, но сделала меня сильнее. Я понял, что кошмар, запятнавший собой все мои детские воспоминания, одновременно создал и самую большую возможность в моей жизни. Я уже давно скинул со своих плеч горб прошлого. Теперь меня интересовало только настоящее. Я говорю о самой сути: о возвышении жизни через смерть, об очищении души муками, о том, чтобы не падать ниц перед богами, а занимать место рядом с ними на троне. Я говорю о том, как опьяненный силой мятежный дух через ни на что не похожий озноб, через глубинный страх обнаруживает свое собственное значение. А ведь когда-то я этого боялся.

Я боялся. Боялся, потому что видел, что происходит сразу после того, как один человек убивает другого. Я слышал, как кричит от радости победы убийца и как вопит от страха его жертва. И я сам

кричал, как убийца, и я сам вопил от страха, как жертва. И мне понравилось это состояние. Никакая другая истина не стягивала мои чресла с подобной страстью, никакая другая истина не трогала так глубоко мое естество. Именно поэтому я и боялся начинать все сначала, снова переживать этот невероятный опыт. И из-за этого я сдерживал себя. Я долгие годы вновь и вновь предавал себя, подавляя этот великолепный, готовый проснуться в любое мгновение импульс — лишь бы не вернуться в самое невинное человеческое состояние, в истинную природу индивидуума. Я пытался вылечить являвшееся моей сутью роскошное горе дешевыми крохами радости, выбирал что-то более скучное, чем первобытные инстинкты. Я обманывал и себя, и весь мир. И почти получилось... Но нет, увы, они сами начали делать это за меня. Более того, убивали без всякого удовольствия, не воздавая должного ни на что не похожей красоте этого действия, не чувствуя глубокого внутреннего удовлетворения, не постигая всей тайны темноты. Я не смог больше выдерживать такой грубости, такой вульгарности, такого транжирства. Да, именно из-за этого я вернулся...

|

У НАС СНОВА ТРУП!

Та вереница убийств, что превратила светлые летние деньки в ночной кошмар, началась на второй день июня. Все три дня до этого непрерывно шел дождь... Весь город был погружен в липкую летнюю жару... Это был первый день сезонной духоты, способной вывести любого человека из душевного равновесия...

Вечер прошел в мейхане¹ Евгении в Татавле². Мейхане так и называлось — именем старого района. Мы сидели на нашем обычном месте, за столиком в тени древнего платана. Кожистые зеленые листья, украшавшие толстые ветки старого дерева, застыли без движения. Огромный платан нависал над нашим столом, словно был какой-то искусной скульптурой. Евгения в надежде, что это поможет нам немного освежиться, вытащила из зала на улицу вентилятор. Но все напрасно: хоть маленьким лопастям и удалось изобразить подобие ветерка, влажность была настолько сильной, что развеять ощущение, будто мы находимся почти под водой, не получилось.

Завороженный запахами, голосами, песнями, не без участия, конечно, паров алкоголя, но в первую очередь от близости любимой женщины я совсем позабыл о повседневности, о самом себе. Я не помнил ничего: ни когда мы закрыли мейхане, ни когда пошли к Евгении домой. В памяти остался только лавандовый запах ее кожи, милый шепот в ночной темноте, то, как наши тела растворялись друг в друге, и последовавший за этим глубокий спокойный сон. Чего уж тут кривить душой под взглядом Всевышнего, ночь, сменившая вечер, была одной из тех незабываемых ночей, которые редко выпадают человеку в его жизни.

¹ Мейхане — традиционное досугово-распивочное заведение в Турции. Традиционно в мейхане подается национальный турецкий алкогольный напиток раки. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Татавле — старый район Стамбула неподалеку от площади Таксим. С 1929 года носит название Куртулуш.

Когда я проснулся, солнце легкомысленно падало на лицо и волосы моей любимой. Я не сдержался и прикоснулся к ее русым волосам... Она тут же проснулась, и бледные губы сами собой сложились в улыбку.

— Доброе утро, заяц, — в ее голосе сквозила нежность, — доброе утро, мой дорогой Невзат.

Я потянулся и чмокнул ее в губы.

— Доброе утро, Евгения, доброе утро, милая моя. — Взгляд скользнул за окно: а уже довольно поздно. — Пора бы мне и честь знать.

— Ни за что! — Она села на кровати. — Без завтрака никуда не отпущу!

И будто я был каким-то страшным обжорой, она тут же стала выставлять на стол самые разнообразные лакомства. В дело пошли сыры: тулум, оргю, дил, отлу¹... В розетки были положены коричневые, черные и зеленые оливки... Нарезаны темно-красные помидоры, свежие перцы, хрустящие ченгелькейские огурчики²... Теснились рядом друг с другом вазочки с розовым, клубничным, персиковым, абрикосовым, апельсиновым и помаранчевым вареньем... Все это варенье Евгения делала сама. У всех бывают какие-то устоявшиеся домашние традиции, и для нее такой традицией было изготовление варенья. Прежде этим занималась ее бабушка Марика. Марика считала, что варка варенья определенным образом действует на человеческую душу. Интересно, что при этом она страдала диабетом, а значит, не пробовала и ложечки из приготовленных собственными руками десертов. Но никогда не бросала свое занятие.

— Для нее это было своего рода терапией, — рассказывала моя греческая любовь, — благотворительной деятельностью.

Предполагаю, что по этой причине после смерти Марики обязанность варить варенье взяла на себя Евгения. Она словно чув-

¹Тулум — турецкий мягкий, крошащийся сыр из козьего молока. Оргю — турецкий сыр, пришедший из района Диярбакыра; плетеный, тянущийся, очень похож на чечил. Дил — турецкий молочный сыр, нечто среднее между чечилом и моцареллой. Отлу — овечий или коровий мягкий сыр, изготавливаемый с добавлением самых разнообразных трав.

²Ченгелькей — район в азиатской части Стамбула, расположенный на побережье за первым мостом. Прежде там действительно выращивался особый вид огурцов, но сейчас это жилой район, а такие огурцы выращивают в основном в Ялове, на восточном побережье Мраморного моря.

ствовала, что если откажется от этой традиции, то предаст память родной бабушки. Плоды ее трудов весь год украшали полки на входе в мейхане. Никому не разрешалось даже трогать эти разноцветные банки, они использовались в качестве подарков для самых дорогих друзей.

— Только хорошие люди заслуживают такое есть... Только хороших людей можно допускать до этой священной еды.

На самом деле для того, чтобы насытиться, моему желудку хватило бы и глазуньи из двух яиц, но Евгения настаивала, чтобы я попробовал померанцевое варенье:

— Я приготовила его из цедры мерсинских померанцев. Их специально для меня собирали. Удивительный вкус, тебе очень понравится.

Обижать ее было нельзя, но в тот момент, когда я уже намазывал на хлеб янтарное варенье, зазвонил мой мобильный. На экране возникло имя Али — и сразу стало понятно, что дело служебное, где-то опять кто-то кого-то убил. Снова придется ехать на место преступления, снова в поисках улик обыскивать все вокруг, сантиметр за сантиметром, снова опрашивать свидетелей, которых еще надо найти, снова устанавливать подозреваемых... Внезапно я почувствовал, до чего же устал. Мне уже было не интересно, ни как убили жертву, ни кто был убийцей. Я не хотел снова видеть кровь, и меня напрягало, что придется в который раз прикоснуться к коченеющему телу. Я что, постарел? Мне наскучила моя работа? Нет-нет, это не про скуку — я просто устал, и все дело в мерзкой липкой жаре.

Когда я поднял голову, Евгения встревоженно смотрела на меня своими зелеными глазами. Я отложил в сторону настойчиво звонивший телефон и, чтобы как-то замаскировать свои невеселые мысли, с преувеличенной охотой принялся за бутерброд с вареньем.

— Мм... Фантастика! — прочавкал я. — Даже вкуснее, чем тыквенное варенье мадам Сулы!

— Ну ты и дурак, Невзат... — Евгения не сдержала гнева и легонько ударила кулачком в мое левое плечо. — Большой дурак!

— погоди! погоди! — Я попытался увернуться от следующего удара. — Да это просто шутка! — И указал на кусочки цедры внутри медовой жидкости: — Воистину, фантастика... Клянусь, до сего дня не ел такого вкусного варенья. Запах, вкус, сладость, консистенция — это что-то невероятное, ты великая мастерица.

Глаза, в которых еще светилась ночная усталость, просияли:

— Спасибо большое, Невзат, спасибо. Ешь на здоровье.

До чего же просто подарить счастье моей милой возлюбленной! Черт бы побрал этого Али! Да, телефон все еще продолжал звонить.

Евгения не выдержала:

— Ты не ответишь? Наверное, что-то важное.

Но я вместо того, чтобы ответить, выключил звук и, соорив крайне довольное выражение лица, продолжил пережевывать бутерброд с вареньем. Али больше не звонил.

Мы закончили завтракать, я помог Евгении убрать со стола и только после этого набрал своего помощника.

— Комиссар, у нас снова труп! — поделился он «радостной новостью». — Мы в сквере, в Касымпаше¹. Если вы сможете приехать, будет отлично.

В том, что лично мне от этого будет «отлично», я сомневался, но деваться некуда... Поцеловал Евгению в ее влажные губы, пахнущие кофе, и отправился на место преступления. Несмотря на утренний час, машина раскалилась, как печь. Я опустил стекла до упора, и салон наполнился шумом с проспекта Куртулуш. В надежде услышать какую-нибудь хорошую песню включил радио. Но нет — нарочито бодрый женский голос рекламировал холодильники. Терять время было нельзя, и я нажал на газ.

¹Касымпаше — исторический район Стамбула в европейской части города, к северу от залива Золотой Рог.

РАНОВАТО ИМ ПРИШЛОСЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ . . .

Стамбул полон сюрпризов. Ничего не предвещало, что посреди плотной бетонной застройки может возникнуть такой зеленый оазис. Какая-то злая ирония присутствовала в том, что труп был обнаружен именно в этом приятном местечке, зажатом среди серых неоштукатуренных зданий.

Я припарковал свою старенькую машинку прямо за белым фургоном криминалистов. Стоило открыть дверь, в лицо тут же ударила кулаком жара. Асфальт, приклеившиеся к нему автомобили, мусорный бак, стоявший чуть в стороне, электрический столб, железные ограждения и калитка сквера — все вокруг, казалось, вот-вот начнет плавиться. Быстрыми шагами я направился к месту преступления, мечтая, что получится укрыться от солнца под раскидистыми деревьями с плотными кронами, но все напрасно. Наличие тени никак не помогало — она защищала от света, но пот все равно продолжал течь из каждой поры тела.

Когда я вынул из кармана платок, чтобы промокнуть шею, меня окликнули:

— Добрый день, господин комиссар.

В нескольких шагах впереди, под молодым деревцем, стоял мой помощник и бодро, будто бы и не было никакой жары, скалил свои ровные белые зубы в приветственной улыбке. Я попробовал улыбнуться в ответ:

— Привет, Али, все в порядке? Где труп?

— Вон там, на детской площадке. — Рукой, в которой была зажата шипящая рация, он указал в самый дальний от улицы и самый укромный угол сквера. — Судя по всему, его притащили сверху. По ночам здесь никого нет.

Али имел в виду дорогу, которая вела на холм, а сам сквер находился у подножия холма.

Я подошел к нему поближе и спросил:

— А кто обнаружил тело?

— Два мальчика... лет по восемь-девять. — На этот раз рука с шипящей ракетой ткнула в сторону здания за деревьями. — Вот школа, в которой они учатся. Тайком прибежали сюда на перемене, чтобы покататься с горки, увидели тело — и в крик.

— А что, оно так жутко выглядит?

— Да нет. Ничего особенного, но все-таки труп... Да и лежал он прямо под горкой.

Я живо представил, какой страх пришлось пережить ребятишкам, и пробормотал:

— Рановато им пришлось познакомиться с человеческой жестокостью...

— Прошу прощения, комиссар? — не расслышал Али.

— Нет-нет, все в порядке. — Я вновь оглядел сквер. Кроме двух собак, черной и белой, прятавшихся от жары в тени деревьев, тут никого не было. Кроме криминалистов, конечно. — Хорошо, а что со свидетелями? Кто-то может сказать, что произошло?

Мой подчиненный потупил глаза, будто это была его вина:

— Нет, Невзат-бей, никто. Вероятно, убийство произошло глубокой ночью... Кто в такое время будет торчать в сквере?

— Все равно следует поискать, Али. Возможно, какие-нибудь полуночники распивали вино в кустах. Пройдись-ка по кварталу, поспрашивай в кофейнях, в лавках, не видел ли кто ничего странного вчера? Как знать, вдруг заметили что-то подозрительное. Не было ли каких-то непонятных шумов, криков, звуков драки...

— Так точно, господин комиссар! — Мой помощник направился к калитке, через которую я недавно вошел.

— Как закончишь, возвращайся сюда!

Я вышел из тени и направился вглубь сквера к детской площадке, на краю которой рос гигантский каштан. Площадка как площадка. Качели-карусели, раскаленные солнцем, веревочный мост, детская горка цвета барбариса... И как раз под языком горки находилось тело. Убитый мужчина сидел на земле, как расстроенный маленький ребенок. Как будто он неудачно скатился с горки и теперь не мог подняться без посторонней помощи. Черные, цвета воронова крыла, волосы падали ему на лоб. Глаза закрывала красная шелковая тряпица, завязанная узлом на затылке. Из-за того, что голова слегка упала вперед, лица было не разобрать. Выстрел был произведен со спины, и пуля вышла через рот. Кровь, стекая по

груди, окрасила белую рубашку, но она давно уже свернулась, а на желтом песке остались коричневые пятна. В поисках улик в песке копались криминалисты; на них были белые защитные костюмы и медицинские шапочки.

— Судя по всему, здесь его убили.

Я сразу узнал голос Зейнеп. Рядом с ней высилась фигура комиссара Шефика, руководителя криминального отдела, человека крайне щепетильного. Они с Зейнеп с трудом терпели друг друга. А все из-за того, что оба были успешны в своем деле — успешны до такой степени, что вызывали зависть у многих коллег. Шефик не упускал ни одной детали на месте преступления. А Зейнеп объединяла все собранные им детали в единую картину, анализировала, как именно произошло преступление, рисовала психологический портрет убийцы. Ей постоянно нужна была новая информация, и она непрерывно запрашивала ее у главы отдела. Шефик всегда был жутко занят — в Стамбуле каждый день происходит несколько убийств, и Зейнеп действовала ему на нервы; он тихо злился: «Господин главный комиссар, утихомирьте уже вашу девушку. У меня и без нее много работы. Разве можно человеку по пять раз в день названивать?» Оба были ценны, и оба были нужны мне, поэтому я старался сделать все возможное, чтобы не рассорить их друг с другом: «Хорошо, Шефик, занимайся своей работой, я обязательно поговорю с Зейнеп».

Теперь, насколько я понял, они опять сцепились друг с другом.

— Видимо, его убили здесь, — повторила Зейнеп, — иначе бы не натекло столько крови.

Но Шефик явно был не согласен — он показал на две линии, тянувшиеся на песке параллельно горке:

— Не похоже! Смотри, жертву волоком дотащили сюда. Ты что, не видишь следы?

Но Зейнеп стояла на своем:

— Ты прав, его сюда волоком дотащили. Но пока тащили, он был еще жив. А убили уже здесь. Сейчас твои ребята еще немного покопаются и найдут в песке и пулю, и гильзу.

— Хорошо, а следы убийцы? — включился я в обсуждение. — Где они? Их что, нет?

Заметив наконец меня, оба подобрались.

— Он их стер, господин комиссар, — ответила Зейнеп. — Вероятно, действовал профессионал. — Она показала на затылок трупа. — Убил одним выстрелом. Думаю, использовал глушитель. —

Ее взгляд скользнул в сторону улицы. — Иначе бы кто-нибудь точно услышал. Хотя это и посреди ночи было, но на звук выстрела сложно не обратить внимания...

Шефик постарался найти компромисс:

— Если так, если его сюда притащили, то он был в бессознательном состоянии, оглушен. Иначе бы точно были следы сопротивления.

Я пригляделся к убитому: кожа лица постепенно приобретала грязно-желтый цвет, нижняя половина правого уха отсутствовала.

— Да, убийца забрал часть уха жертвы, — подтвердила Зейнеп. — Крови справа на черепе нет, видимо, отрезал не здесь, раньше. А рану прижег.

Дело постепенно приобретало интересный оборот, но тут Шефик, отерев со лба пот тыльной стороной ладони, переменял тему:

— До чего же печет, господин главный комиссар, мы тут будто на болоте сидим...

И правда, чем выше поднималось солнце, тем труднее становилось дышать в сквере — духота давила, а глотка пересыхала. Я огляделся вокруг, нет ли у кого-то воды, и тут мой глаз зацепился за какой-то розовый предмет в желтом песке. Что-то было под ногой у жертвы. Я подошел поближе.

— Если уже утром так жарко, то что будет к полудню? — продолжал стонать Шефик.

Его нытье рассеивало внимание, мешало думать.

— Подожди, Шефик, — сказал я довольно резко, — не мешай мне секунду.

Он с интересом уставился на меня. Зейнеп тоже насторожилась.

— Что такое, Невзат-бей? Вы что-то обнаружили?

Вместо ответа я позвал худощавого паренька-криминалиста:

— Ну-ка, что это там такое розовое?

— Кукла, господин главный комиссар, это кукла Барби, — пояснил вместо него Шефик. — Мы специально ее здесь оставили, ждали вашего приезда, чтобы ничего не менять на месте преступления.

Я вновь обратился к подчиненному Шефика:

— Дай-ка сюда эту куклу, сынок.

Большим и указательным пальцем правой руки в медицинской перчатке он аккуратно взял Барби и протянул ее мне. Я вытащил из кармана платок и так же аккуратно взял куклу за левую ногу. И тут слова сами сорвались с моих губ:

— Айсун! Это же игрушка Айсун!

Все потрясенно посмотрели на меня. После небольшой паузы Зейнеп спросила:

— Вашей дочери? Но как это возможно?

— Не знаю. Я не знаю, Зейнеп.

Я внимательно разглядывал куклу. Трещины на правой руке не было. Я пригляделся: нет, точно нет — и с облегчением выдохнул.

— У Барби Айсун была сломана правая рука, я потом сам клеил. Так что это не ее кукла.

Зейнеп обрадовалась:

— Ну вот! Да и как кукла вашей покойной дочери, господин главный комиссар, могла здесь оказаться!

Шефик тоже расслабился, и, хотя никто его об этом не просил, начал строить теории:

— Возможно, игрушка никак и не связана с этим делом. Возможно, ее забыл кто-то из девочек, которые вчера здесь играли. Все-таки это детская площадка...

Я уже собрался согласиться с ним, когда мое внимание привлекло что-то странное в волосах жертвы. Волосинки были чересчур толстыми, и черный цвет на солнце выглядел ненатурально. Похоже, это парик. Я подошел поближе, чтобы разглядеть лицо убитого, но ничего не получилось. Пришлось попросить одного из криминалистов:

— Развяжи-ка ему глаза и подними голову, будь добр.

Парень осторожно снял шелковую тряпицу, а затем, придерживая нижнюю челюсть, медленно поднял голову убитого. Я вздрогнул, задержал дыхание и посмотрел еще раз.

Нос с горбинкой, толстые брови, глубоко посаженные, безжизненные сейчас карие глаза, острый подбородок с ямочкой...

— Черт... — произнес я вслух. — Этот мерзавец.

Да, это был он, немного постарел, но сомневаться не приходилось. Шефик и Зейнеп застыли в изумлении, ничего не понимая. Зейнеп, не в силах вынести напряжения, не сдержалась и задала вопрос:

— Кто? О ком вы говорите, Невзат-бей?

Мое лицо сморщилось, словно я увидел мерзкое, отвратительное существо:

— Этот тип... Вот этот самый тип... Это тот самый извращенец, что много лет назад приставал к моей дочке.

Что это — простое совпадение или некое послание для меня?

Я сидел под тенью ивы. Рядом со мной устроился Али — он вернулся без особых результатов. Точнее, результат был нулевой: никто не слышал ничего странного и не видел ничего подозрительного. Как сказала Зейнеп, убийца или убийцы действовали очень профессионально. Но на чем-то они все равно должны были проколоться и оставить нам какую-то зацепку. Так всегда было, и так будет в этот раз. Однако у криминалистов, сколько они ни прочесывали детскую площадку, не получалось найти ничего стоящего. Зейнеп, тем не менее, все еще надеялась, что отыщутся пуля или гильза.

Если бы кто-то посмотрел на меня, то наверняка решил бы, что я внимательно слушаю Али, но моя голова была сосредоточена на другом — может ли это убийство быть связанным с Айсун? Мужчина, который к ней приставал, Барби в розовом платье, так похожая на куклу моей дочери... Что это — простое совпадение или некое послание для меня?

Пока я раздумывал над этими вопросами, в сквере появился прокурор Надир.

— Доброе утро, коллеги, — начал он довольно жестко, но смягчил тон, увидев меня. — О, главный комиссар! Значит, этим делом занимаетесь вы. Прекрасно, будем работать вместе.

Так же, как и на Али, жара на него как будто и не действовала: он выглядел бодрым и подтянутым, голос звучал громко.

Я поднялся на ноги и протянул ему руку:

— Доброе утро, господин прокурор.

Потом мы вместе подошли к горке.

— Вот жертва... — начал я, но Надир не стал дожидаться продолжения и опустился на корточки, чтобы рассмотреть труп.

У меня не было сил стоять — я сел на игровой пенек поблизости и стал докладывать:

— Он был убит выстрелом в затылок... Преступник отрезал кусок правого уха жертвы. Это говорит в пользу версии о наемном убийстве: мочка уха может стать для заказчика доказательством, что дело сделано. Очень вероятно, что жертву притащили сюда волоком, а потом убили. И он, пока его тащили, скорее всего, находился без сознания. Причину, почему он был в отключке, и были ли, покажет вскрытие. Преступник мог действовать как в одиночку, так и в паре с кем-то — точно мы сказать пока не можем.

Пока я все это озвучивал, я никак не мог решить, стоит ли рассказать Надиру о том, что убийство может быть связано с моей покойной дочерью, или лучше сохранить это в тайне? По правде говоря, теперь мне захотелось взяться за это дело, от утренней апатии не осталось и следа. Во-первых, оно, возможно, имело какое-то отношение к моей дочери, а во-вторых... вся эта выстроенная на детской площадке мизансцена... Профессиональное чутье подсказывало, что преступление изначально замышлялось как вызов нам, полицейским, — настолько дерзко, даже нагло, все было обставлено, и мне бы очень хотелось найти убийцу и передать его в руки правосудия. Но тут возникало одно «но». Если тут и правда как-то замешана моя дочь, то включаться в работу мне все же не стоило. В силу профессиональной этики я должен был сказать Надиру про то, что узнал жертву. И про куклу тоже — что убитый когда-то подарил моей Айсун похожую куклу. Но быть отстраненным от дела мне не хотелось. Удивительно, конечно, что Шефик и Зейнеп тоже промолчали. А ведь Зейнеп, слышавшая наш разговор, вполне могла бы выложить прокурору все те существенные детали, о которых я не упомянул. И Шефик, он бы мог вставить, что труп приволокли сюда откуда-то, в этом контексте тоже упомянуть про куклу: мол, подбросили специально. Тем не менее никто из них не добавил к моим словам ни полслова. Таким образом, решение говорить об этом или нет оставалось за мной.

Надир и не подозревал, какие мучительные мысли занимали мою голову, — сидя на корточках, он рассматривал песок рядом с убитым. Я был неплохо знаком с Надиром: хотя он был молодой и в должность вступил относительно недавно, мы уже поработали вместе над несколькими делами. Он всегда добросовестно проводил расследования, а таких людей в наше время сложно встретить в правоохранительных органах. Но что уж кривить душой, мне показалось чрезмерным то, как он чуть ли не обнюхивал песок при

такой жуткой жары. Скорее всего, наш прокурор о чем-то напряженно размышлял, но на меня повисшая в воздухе пауза давила все сильнее и сильнее.

— Он был педофилом, — наконец решился я и встал со своего пенька. — Приставал к детям и был осужден.

— Педофилом? — удивленно переспросил НаDIR. — Вот как?

— Да, — сохранить все в тайне у меня не вышло. — В том числе он приставал к моей дочке.

Вот и все. И зачем надо было что-то скрывать? Мне стало легче, я расслабился, а в глазах у НаDIRа, по-женски красивых, появилось удивленное выражение.

— Что вы такое говорите, господин главный комиссар?! К вашей дочери?

Я покачал головой:

— Да, к моей покойной дочке, много лет назад... История долгая, но убитый тогда подарил моей Айсун Барби, очень похожую на ту, что мы обнаружили рядом с трупом.

Видно было, что эта информация глубоко поразила НаDIRа, впрочем, он быстро взял себя в руки. Прокурор еще раз внимательно оглядел тело, которое под воздействием жары начало раздуваться, и снова обратился ко мне:

— И что вы можете сказать об этом? Какой у всего этого смысл?

Хотя я был весь на нервах, показывать этого было нельзя. Поэтому, скрестив руки на груди, я пустился в рассуждения:

— Вероятно, его убил тот, к чьей дочери он приставал. Мне знакомо это чувство... Упаси Аллах попасть в похожую ситуацию... После такого родителям легко потерять контроль над собой. Ты перестаешь хоть что-то понимать и в слепой ярости можешь за просто убить педофила.

Я перевел дух и указал на жертву:

— Но это преступление вряд ли совершено в состоянии аффекта. Когда человек теряет контроль над собой, тело убитого бывает искромсанным от ярости, а здесь, смотрите, обошлись одним выстрелом. Убийца действовал хладнокровно и очень профессионально... И это убийство — своего рода послание нам. То, что тело оставили именно на детской площадке, то, что глаза были завязаны красной тряпкой, то, что хватило одного выстрела, то, что ему отрезали мочку уха, — у всего этого есть смысл. Как и в том, что рядом с ним оставили — если, конечно, оставили, это еще нужно

доказать, — куклу в розовом платье. Еще раз повторю, не приходится сомневаться в том, что убийца хочет передать нам некое сообщение...

— Некое сообщение, господин комиссар? — перебил меня Али. — По-моему, он явно намекает: если государство не способно разобраться с педофилами, то придется взяться за самосуд.

Надир бросил на моего подчиненного короткий взгляд, но никак его слова не прокомментировал.

— Невзат-бей, я не пойму, как это убийство связано с вами? — спросил он, вытирая синим носовым платком крупные капли пота со лба.

Али задело, что на него не обращают внимание, и он уже вскинулся, чтобы ответить за меня, но Зейнеп опередила нас обоих:

— Может быть, никакой связи тут и нет. Может, это просто совпадение. Педофил мог подарить такую же куклу другой девочке. Барби в розовых платьях могли быть его фетишем. Отец пострадавшей девочки убил его и оставил куклу рядом с телом.

Сомнение из глаз Надира не исчезло. Так же, как и мы, он пытался представить картину происшествия, но фрагменты пазла никак не складывались.

— Все может быть, — наконец произнес он. — Возможно, скоро мы все пойдем, Зейнеп-ханым.

Его взгляд снова упал на песок.

— Один-единственный выстрел в затылок, повязка из красного шелка, детская площадка, кукла в розовом платье... Вы правы, комиссар, все это выглядит как части одной истории... Истории, которую мы пока не знаем. Надеюсь, это не начало серии... — Прокурор глубоко вздохнул. — Честно сказать, здесь чувствуется почерк серийного убийцы. Надеюсь, что я ошибаюсь и расследование придет к другим выводам, но я бы посоветовал покопать и в эту сторону.

Он на секунду замолк, а потом доверительно улыбнулся мне:

— Не волнуйтесь, есть в этом деле связь с вами или ее нет, мы будем заниматься расследованием вместе. Не хочу упустить возможность поработать с главным комиссаром Невзатом...